

*Памяти кинорежиссера
Александра Лукича Нтушко*

**Автор Е.А. Крылов родился
в Тверской области, вырос в Москве.
Написал два исторических киносценария
«Освобождение Иерусалима» и
«Омрачена душа моя».**

Е. А. КРЫЛОВ

ВЕЛИКОКНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ

Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 73.04
ББК 85.137(2Рос=Рус)6
К85

К85 Крылов Е.А.

Великокняжий престол : литературный киносценарий. —
М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. — 276 с.
ISBN 978-5-4469-0261-3

В начале XIV века сын первого московского князя Даниила Александровича, князь Юрий, предъявил право на великое княжение в ставке ордынского хана Озбяка и вступил в борьбу за великокняжеский престол на Руси с великим князем Тверским, Михаилом. Столкнулись два право-наследования великокняжеского престола: лестничный счет по старшинству Суздальской земли и монгольское право назначать князей на великое княжение. Речь в художественном произведении идет о становлении Москвы стольным градом. Впервые Москва стала столицей славянских княжеств после окончательной победы над грозным и сильным Тверским княжеством.

Исторические факты взяты из «Истории государства Российского» Карамзина Н.М. (том 4) и из книг председателя Общества истории и древностей российских Забелина И.Е. и других историков дореволюционной России по быту и культуре средневековой Руси.

В произведении использованы выдержки из Библии, изречения святых, древняя легенда обличена в образную художественную форму.

Издание десятое, переработанное и дополненное.

На обложке использованы рисунки
Владимира Владимировича Сулова

ISBN 978-5-4469-0261-3

УДК 73.04
ББК 85.137(2Рос=Рус)6

© Е.А. Крылов, 2014

ГЛАВА 1

ТВЕРЬ. Великокняжеская палата. Арочный проём расписан красивым орнаментом. Пол покрыт дубовыми плитами, натёртыми воском. На сводчатых потолках житие тверских князей в цветном изображении. По верхней части червлёных стен широкая лента цветочного орнамента. У окна в византийском кресле сидит князь-государь Михаил Ярославич. Погружённый в свои думы, он глядит в окно.

Вошёл князь Дмитрий, старший сын.

— Будь здрав князь-государь, — поприветствовал отца князь.

— Будь здрав, Димитрий, долго я тебя ждал, наконец-то дождался. Как добрался? — спросил князь-государь.

— Путь длинный и опасный, но я с отборной ратью. Дьякон Фёдор сообщил из Москвы, что князь Юрий ушёл в Орду. На всех путях стояли наши люди, но ни на одном из них не появился московский князь, — ответил князь Дмитрий.

— Наши люди и сейчас стерегут дороги в Орду? — спросил князь-государь.

— Да. Долго мы ловим князя Юрия, но никак поймать не можем. Может быть, нужно послать ещё подкрепление, чтоб надёжней дороги в Орду перекрыть, — предложил князь Дмитрий.

— Бесполезно, отзови всех в Тверь. В Орде умер хан Тохта, пока не ясно кто власть возьмёт. Московский князь воспользовался заметней в Орде и взял на щит Можайск, Коломну, Перемышль, Звенигород, Серпухов и Переяславль. А не проходил ли в Орду монгольский отряд? — поинтересовался князь-государь.

— Проходил, но мы не имеем право проверять монгол, тем более у каждого монгола на груди металлическая пайцза. Не стал я рисковать и нарушать закон степи, себе дорожке б стало, — сказал князь Дмитрий.

— И правильно поступил. Монголы вернулись бы с большим войском И покарали б нас жестоко. Стало быть, князь Юрий был спрятан в монгольском обозе. Мы ловили воздух на дорогах, а он спокойно под защитой монгол проезжал наши кордоны, но до того как князь Юрий сошёлся с монголами, он ездил в Орду один. Я точно знаю, хан Юсуп мне говорил и даже дал намёк: поймай пока не поздно. Но упустил я время, теперь расклад иной. Ещё что скажешь, Дмитрий? — осведомился князь-государь.

— Князь-государь, хочу сообщить дополнительные сведения, которые передал дьякон Фёдор, — проговорил князь Дмитрий.

— Не хотелось мне посылать мастера-иконника в логово врага, но выбора не было. Московиты никогда не заподозрят духовное лицо, которое умеет расписывать фрески, но может и произойти досадная случайность. Всякое может быть, — задумчиво произнёс князь-государь.

— Отец дьякон сообщает, что князь Юрий на этот раз будет свататься к монгольской ханше Кончаке, родной сестре хана Озбяка, — известил князь Дмитрий.

— Будущего хана Золотой Орды? Возможно, если он одолеет хана Ильбасныша, сына умершего хана Тохты. Не успела умереть его супружница Елена, а московский князь уже готов жениться. Женившись на дочери ростовского князя Константина Борисовича, князь Юрий думал, что великий князь Андрей оставит ему завещание, но ошибся. Вот если бы он женился на Анне, дочери ростовского князя Дмитрия Борисовича, то мог бы получить великое княжение, но Анна вышла за меня. Что-то здесь нечисто, а не помог ли князь Юрий умереть Елене. Вступив на путь вероломства, князь Юрий, так же, как и я с него не сойдёт. Ни он, ни я не разбираемся в средствах для достижения цели. Разница только в том, что я хочу объединить славянские княжества по византийским законам, а московский князь по ордынским. Если он женится на монгольской ханше, то мы можем потерять великокняжий престол, — рассудительно проговорил князь-государь.

— Любую уступку с нашей стороны московский князь примет за слабость, а со слабыми он на равных не разговаривает. Только подчинение, кто противится, применяет силу. Князь Юрий считает, что побеждает тот, кто делает ставку на силу, — произнёс князь Дмитрий.

— Я хорошо помню тот день, когда я и московский князь Юрий стояли перед ханом Тохтой. Ссылаясь на Батыеву грамоту, он предъявил претензии на великокняжий престол. Хан Тохта обращается к московскому князю «Князь Юрий, сколько можешь заплатить дани?» Московский князь назвал цену. Хан Тохта перевёл взгляд на меня, я назвал свою цену, тогда московский князь не стал торговаться, отступил. Сейчас князь Юрий набрал силу, отступать не будет. Я прекрасно понимал, что надо было кончать с московским князем, когда я получил ярлык на великое княжение из рук хана Тохты, но стихия оказалась на стороне Москвы. Целое лето шёл дождь, дороги превратились в болотную жижу. Несметная рать, которую я собрал, не смогла преодолеть треть пути до Москвы, вернулась назад. Это была непобедимая рать: вместе со славянами шли немцы-наемники, финны, карелы, ижора, чудь, монголы. Более я никогда такую рать не смогу собрать. Я не знаю, чем я прогневил Господа, но тогда он не помог мне, встал на сторону Москвы, — проговорил князь-государь.

— Значит надо готовиться к войне? — спросил князь Дмитрий.

— Да, жребий брошен, — коротко сказал князь-государь.

ГЛАВА 2

ТВЕРЬ. Месяц май. Двор Трифона Ерша. Кузня. Горн, сложенный из кирпича, с кожаными и складчатыми стенными мехами для раздувания огня. Онуфрий растягивает меха для нагнетания воздуха. Под навесом стоит высокого роста, плотного телосложения старший сын Трифона Тимофей. Держа кузнечными клещами каленую докрасна подкову на наковальне, бьёт одноручным молотом по металлическому изделию. Наковальня расположена на толстом чурбане. Глава семейства Трифон и его средний сын Григорий сидят на стёсанном по поверхности бревне.

— Тимоня, неужели ты не чувствуешь металл? — спросил Трифон.

— А чего тут чувствовать, молоти да молоти до нужной формы, — ответил Тимофей.

— Просто молотить мало, надо молотить с чувством и со знанием кузнечного ремесла, а кузнечное ремесло — это колесные ободья, обручи на бочки, удила, шпоры, серпы, косы, тесаки, затейливое оружие. Не лежит у тебя душа к металлу, не понимаешь ты его. Вот что, Тимоня, прекращай работу, садись рядом со мной, — сказал Трифон.

Тимофей положил клещи и молот на наковальню, подошёл к отцу и сел на бревно.

— И ты, Онуфрий, брось раздувать меха, тоже садись, отец говорить будет, — обратился к младшему сыну Трифон.

Онуфрий прекратил раздувать меха, подошёл к бревну и сел рядом с Тимофеем.

— Я скажу вам, сыны мои, кто из вас по истечении трёх лет обучения на что годен. Кузнецом будет Григорий. Гриша ниже тебя, Тимон, на голову и телом слабее, а сила в руках есть. Научился чувствовать металл, разговаривать с ним на ты. Когда из огня вынуть, какое изделие сколько нужно держать в горне, знает длительность проведенияковки того или иного изделия, а главное качествоковки. Раз не можешь работать

головой и руками, будешь капканы на зверя в лесу ставить. Руки у тебя, Тимоня, не чувствуют силу, ходишь медленно, одним словом неловкий, неумелый. Онуфрий, будешь скорняком-швецом, сноровка и усидчивость у тебя в этом деле есть. Думая о слабости Тимофея, я вот что вспомнил. Давно это было, вас ещё и на свете не было. Как-то раз на Пасху, возле церкви калики перехожие, перебирая струны гуслей, распевали духовные песни. Когда они смолкли, я подошёл к ним, подал милостыню. Подала милостыню и подошедшая купчиха в нарядной одежде и спрашивает: «А не знаете ли вы, калики перехожие, кто бы мог исцелить слабость моего сына, за что он не возьмётся, всё из рук валится». Отвечают калики перехожие: "Есть в озёрном крае, царица озёр и реки, величать её Волга-Волгушка. В тысяча двести семнадцатом году вернула Волга-Волгушка зрение ослепшему монаху. Раз в сто лет царица озёр и реки выходит по зову человека из тумана». Купчиха тяжело вздохнула и произнесла: «Слабый он, куда ему в озёрный край, не дойдёт, сгинет бесследно. Придётся мне, свой крест до конца дней моих нести». Сказала, повернулась и ушла. Меня разобрал интерес. Я подошёл к каликам поближе и любопытствую: «Где? В каком месте царица озёр и реки являются?» Калики перехожие отвечают: «Слушай, добрый человек, легенду. Жили в тех краях два брата: Селигер и Ильмень. Влюбились они в одну и ту же красну девицу: а звали эту девицу Волга. Приглянулся Волге более Селигер и выбрала его в женихи. Позавидовал Ильмень счастью брата, решил навсегда покинуть отчий дом. Ночью, перед тем, как уйти, подошёл Ильмень к спящему Селигеру чтоб взглянуть на прощание. Зависть лишила его разума. Проклял Ильмень брата: «Пусть будут бока твои кривыми, а на спине вырастет сто горбов!» И исполнилось проклятье. Только Ильмень был уже далеко и не видел этого. Но мучила его совесть, чувствовал, что неладно с братом. Ночью уснул Ильмень и увидел во сне, как лежит несчастный Селигер, подняться не может. Пожалел Ильмень о своих словах, да уж поздно было. «Раз брат по моей вине лежит, то и я не встану», решил он. Так и лежат они до сих пор и на спине у Селигера действительно сто горбов-островов, а у Ильменя горбов нет. Ни

одного! А Волга поплакала-поплакала, да и убежала от обоих к Каспию. Ранней весной возвращается к жениху своему Селигеру, а поздней осенью уходит к Каспию. Есть торговая слободка в озёрном крае, называется Селижарово, вот там и можно увидеть царицу озёр и реки. Можно позвать из тумана Волгу-Волгушку и на Селигере.» Запомнил я это сказание. Калики — мудрые люди, они выдумывать не будут. Сейчас всё это мне пришло на ум, а почему бы тебе Тимоня не пойти с купцами верх по Волге в озёрный край. Сто лет прошло, сейчас тысяча триста семнадцатый год, дерзай Тимоня, отправляйся к Волге-Волгушке за силой богатырской, — сказал Трифон.

— А что! Может быть, и выпадет на мою долю счастье великое увидеть царицу озёр и реки. Может быть и вправду наделит меня Волга-Волгушка силою богатырской. Поеду, поплыву, дойду, — решил твёрдо Тимофей.

ГЛАВА 3

ГТЕПЬ. Закат солнца. Князь Юрий в парчовом кафтане, сафьяновых сапогах, и ханша Кончаке в монгольском платье из тонкого китайского шёлка жёлтого цвета с красными драконами, обшитое синей тесьмой, в красных узорчатых сапожках, ехали рядом в седлах на низкорослых, короткошерстных, выносливых монгольских лошадях, которые могли пробежать без отдыха более тридцати километров. Золотой браслет украшал тонкое запястье ханши, в ушах золотые кольца, на шее мониста из серебряных монет. За ними на расстоянии около пятидесяти метров следовала охрана из сорока всадников.

— Ты не возражаешь, если я буду называть тебя княгиня? — спросил князь Юрий.

— Возражаю. После свадьбы можешь называть меня княгиня? А сейчас Кончаке, при всех — моя госпожа. Мне инте-

ресно знать, как ты назовёшь меня по-славянски? — сказала ханша и обдала взглядом чёрных жгучих глаз князя Юрия.

— Агафия, — ласково проговорил рыжеволосый князь Юрий.

— Почему Агафия, есть имена у христианских женщин и покрасивее. Я знаю христианские женские имена. У меня были китайские учителя, они многие науки знают, — сказала ханша Кончаке.

— Агафия в переводе с греческого на славянский означает добрая. Я хочу, чтобы ты была добрая, — ярко произнес князь.

— Для всех я доброй не буду, но для тебя и твоих близких родственников, обещаю. Нельзя быть доброй с простолюдинами, нельзя ни с монголами, ни со славянами, чернь надо держать на расстоянии, — произнесла ханша Кончаке.

— У тебя были хорошие учителя, тебя не обманешь, и на хитрость не возьмёшь. Чтобы подойти к тебе, я выучил монгольский язык, и заговорил, а когда заговорил с тобой, я запел, — улыбаясь проговорил князь Юрий.

— Мне понравилось, как ты поёшь, я слышала. Меня позвали, я подъехала к юрте, в которой собираются ордынские певцы. Твой голос я узнала, струны хура сопровождали его. Ты учился у них петь, чтобы найти путь к моему сердцу, — неожиданно спросила ханша Кончаке.

— Да, — признался князь Юрий.

— Спой, Юрий, — попросила ханша Кончаке.

Князь Юрий глубоко вздохнул и тихо запел:

— Когда кумыс, бродивший долго, пьёшь, легко поётся на душе, я сердцем отдыхаю близ тебя, нашёл покой в степи прекрасной. Нам ураган не страшен, и ветер нипочём, когда мечты осуществляются наши. А путь к тебе был бесконечно долог, и не пройти его без преданной любви, — князь повысил голос, — звезда на небосводе это ты, она горит весной и летом для меня. Когда скучаю по тебе, на небо взор свой устремляю и образ твой запечатляю. Доволен я, доволен я, что в жёны будет мне Кончаке. Дикая кровь у ней бежит, зато любовь умеет сторожить.

— Хватит князь, — оборвала, звонко смеясь, князя Юрия ханша Кончаке.

— Ты смеёшься, — проговорил князь Юрий.

— Мне смешно, вот не думала никогда, что славянский князь будет мне петь песни о любви в нашей бесконечной степи, — произнесла ханша Кончаке.

— Тебе нравится, как я пою? — спросил князь Юрий.

— Да, — отрезала строго ханша Кончаке.

— Я проехал леса, поля, плыл на ладье по реке, скакал по степи к тебе и когда увидел тебя подумал, вот оно счастье где, — сказал искренне князь Юрий, — вот он прекрасный цветок в степи.

Его голубые глаза светились.

— Я приглашаю тебя, князь Юрий, в свою юрту, за чаем отдохнёшь, расскажешь про Москов-град, про жизнь славянскую. Мне интересно, — проговорила ханша и повернула коня назад.

Князь Юрий последовал за ней. Ханша Кончаке засмеялась. Князь Юрий тоже, он протянул ей руку. Ханша вложила свою маленькую кисть в большую ладонь московского князя. Они смеясь поскакали трусцой.

ГЛАВА 4

ТИМОФЕЙ, покинув слободку Селижарово, шёл по дивному лесу вдоль прозрачного ручья. Вечнозелёные ели, сосны, берёзы представляли живописную картину озёрного края. Зелёным ковром расстился мох. Папортник с пышными листьями, кустарники лесных ягод, поваленные сильным ветром стволы деревьев. Ручей нашёптывал журчаньем. Сквозь кристальную воду было видно песчаное дно с камушками. Высокие ели упира-

лись в небо. Гармония звуков наполняла сказочный мир леса. Подул лёгкий ветер. Тимофей остановился, поправил лямки котомы, грешневик на голове, кожаный пояс с кинжалом, оглянулся вокруг. С ветки ели сорвалась сова, расправив мягкие крылья, полетела невысоко и небыстро. Серый заяц с длинными ушами и коротким хвостом прыгнул в кусты. Тимофей пошёл дальше. Ветер стал сильнее, свинцовые тучи заволокли небо. Воздух делался всё влажнее и влажнее. Над лесными опушками появился туман. Солнечный день превратился в пасмурный. Тимофей вышел к озеру, обрамлённому по берегам вековыми соснами. Туман повис над синим озером плотным слоем. Тимофей подошёл к берегу. Туманное облако расстелилось над озёрной гладью.

Тимофей громко позвал:

— Волга-Волгушка, царица озёр и реки, появиись!

Тишина. Вдруг послышалась прекрасная мелодия, из пелены густого белого тумана скользая по озёрной глади, появилась молодая дева редкой красоты. Плотное облегающее платье из маленьких хрустальных пластинок искрилось алмазными блёстками. Тонкая талия опоясана серебристым поясом с изумрудной пряжкой. На изящной золотоволосой голове серебряная корона с бриллиантами, а на острых концах верхней части венца пылают рубиновые звездочки. Узкие плечи, на длинной шее жемчужное ожерелье, в ушах бриллиант, источающий радужный блеск. Красивое лицо с правильными чертами лица произвело на молодого человека сильное впечатление. У него невольно вырвалось из груди:

— Экая красота, лебедь белая!

— Ты звал меня, добрый молодец, — невинным голосом произнесла царица озер и реки.

— Да. Прости, если потревожил, — извинился Тимофей и поклонился в пояс.

— Ты меня не потревожил. Через каждые сто лет я выхожу по зову человека, только один раз, выслушать просьбу об избавлении от немощи, — пропела царица.

— Моя просьба по силам вашему волшебству, — запнулся Тимофей, проглотив подкативший ком к горлу.

— Моя чародействующая сила распространяется только на добрых людей и избавляет их чудесным образом от недуга, — мелодичным голосом произнесла царица озёр и реки.

— Слушай, царица озёр и реки Волга-Волгушка, просьбу мою великую. Работаю я у отца-батюшки в кузне, бью молотом по наковальне, но вот в чём беда, сила к вечеру уходит, не чувствую я ни рук, ни ног. Валюсь от усталости на лавку и только утром встаю. Дай мне силушки богатырской на добрые дела, — попросил Тимофей.

— Верю, меня не обмануть. Ты получишь силушку богатырскую, но никому не должен говорить, откуда она у тебя появилась, и кто тебе её дал, как только проговоришься, сила богатырская уйдёт от тебя, — бархатным голосом произнесла царица.

— А как же монах, который сто лет назад просил тебя исцелить его, и ты, царица вернула ему зрение, он же и поведал миру, что есть такая царица озёр и реки, Волга-Волгушка, — волнуясь проговорил Тимофей.

— Монах не проговорился, иначе бы ослеп. Он написал на пергаменте, что имел со мной встречу в озёрном крае, когда по Селигеру расстилается туман пушистым ковром. Чернец переписывал Библию, делал доброе дело, поэтому когда он меня позвал и попросил вернуть ему зрение, я исцелила его. Брат Божий завещал прочитать этот свиток только после его смерти, — ласково сказала царица.

— Верно, — изумлённо молвил Тимофей.

— Вот тебе чаша, — в руке царицы появилась серебряная чаша, украшенная драгоценными камнями синего цвета, — подойди ко мне, здесь мелко, — сказала царица.

Тимофей вступил в воду, дойдя до царицы оказался почти по пояс.

— Возьми, — произнесла царица и протянула волшебную чашу.

Тимофей взял чашу.

— Возвратись на берег, — приказала царица.

Тимофей повернулся и вышел на берег озера.

— Цвет серебра напоминает серовато-белый туман, а сапфира — синий Селигер. Леса озёрного края источают целеб-

ные источники. Выпей из целебного ключа две чаши живцовой воды, и через некоторое время ты почувствуешь прилив силы богатырской. Прощай и помни, никому ни слова о нашей встрече, — нежно сказала царица озёр и реки Волга-Волгушка и медленно удалилась в туман.

Туман вытянулся и поплыл над озером. Тимофей повернулся и пошёл в лес. Он идёт по хвойному лесу, погруженный в свои думы. Еле заметные звериные тропки разбегаются в разные стороны. Звучит патетическая симфония. Любуясь лесной идиллией, Тимофей увидел бьющий из глубины земли родник. Тверитянин подошёл к сильно булькающему водному источнику и опустил на правой колено.

— Уж не живцова ли водица струится из матери сыра земли? — сам себя спросил Тимофей.

— Живцовая, она способна дать богатырскую силу, — раздался женский голос.

Тимофей оглянулся — вокруг никого, только сказочный лес. Он наполнил чашу живцовой водой, выпил. Наполнил ещё и выпил. Тверитянин уставился на целебный источник. Вдруг подмастерье почувствовал прилив сил, мышцы на теле стали больше в объеме, упругими.

Тимофей поблагодарил царицу озёр и реки:

— Спасибо, царица озёр и реки Волга-Волгушка, за силу богатырскую.

— Был ты простолюдином, а стал воином, — громко сказала незримая женщина.

— Уж не мать ли сыра земля со мной разговаривает? — спросил опешивший Тимофей, продолжая стоять на колене.

— Да, это я. Ручей целебного источника укажет путь к озеру. На берегу под парусом ладья с кормчим, он доставит тебя к людям. Встань с колена, воин, — приказала мать-сыра земля.

Опустился на колено у целебного источника подмастерье, а поднялся могучий воин в дорогой одежде и доспехах. На голове ерихонка — шлем, стальной наголовник. Кольчуга с коротким рукавом на расшитой цветной нитью льняной рубахе. На груди зеркало — стальные латы, нагрудник с наспинником. На руках железные наручи — налокотники, покрывающие снизу

локти до запястий. Кожаный пояс отделан металлическими бляхами. На поясе меч в ножнах с левой стороны, кинжал с правой. Шерстяные порты заправлены в сапоги. Голенище кожаных сапог в латах. В глазах орлиный взгляд, в фигуре воинственная осанка. Громко звучит симфоническая музыка.

ГЛАВА 5

МОСКВА. Даниловский монастырь. Церковь. На живописные фрески из жития святых взирают два монаха. Около расписанного столба на грубо сколоченном столе стоят глиняные горшочки с краской, в три сосуда с водой вставлены кисти. Брат Николай рассматривая фреску "Исцеление расслабленного" восторженно произнёс:

— Фёдор, ты так расписал фрески, что у меня создаётся впечатление, что картина из святого писания вот-вот оживёт.

— Да ну, это так, со стороны кажется, обыкновенная работа, как и всякая другая. Ну пошло у меня настенное письмо, а у других не пошло, ну и что с того, они могут что-то другое рисовать. Учитель Дионисий говорил мне: "У тебя смелая кисть, это от Бога", а я пишу так, как велит Бог, — сказал дьякон Фёдор.

— Сколько лет пишу, ну никак у меня не получается изобразить живой лик святого, выражение внутреннего состояния души не могу выразить в лице, — проговорил брат Николай.

— Это кому как на роду написано. Взять меня. С юных лет игумен Черниговского монастыря меня направил обучаться ремеслу в Константинополь. Со временем у меня пошла рука, глазомер разделял границы соотношения, пропорциональность, соразмерность. Я с радостью обучался, и знания крепко запали мне в душу. Я пишу и рука сама выводит, как это получается, объяснить не могу, а научить тем более, да и как этому можно научить, когда это идёт из души, но есть люди, кото-

рые могут обучать ремеслу способных. Им это от Бога дано, — произнёс отец дьякон.

— Завидую я тебе, Фёдор, и пишешь ты красиво, и краски умеешь творить. Скажи всеми ли красками можно расписывать фрески? — полюбопытствовал брат Николай.

— Не всеми. Фрески допускают те краски, которые не поддаются действию извести и света. Творить краски это целая наука, не один год надо корпеть, чтобы понять, что с чем соединять. Ну вот, Николай, и расписали храм Божий, — с одухотворённым лицом промолвил дьякон Фёдор.

— Слышал я от мирян, что за такую работу некоторые князья хорошие деньги платят, — полюбопытствовал брат Николай.

— Верно, платят ремесленникам, а мы люди Божьи, даже если кто-то из нас выйдет за монастырские стены в мир, то он и в миру останется монахом. Пусть у тебя, Николай, не получается лик живым, пропорции фигур неправильны, зато изображение небес, деревьев, животных впечатляют. Бог творит всё как хочет, а человек — как может. Поэтому надо творить с любовью. Доброе деяние никогда не пропадёт втуне, — подметил дьякон Фёдор.

— Суздальский князь звал меня церковь расписывать, я ему сказал, что не умею тонко и нежно стены расписывать, нужен сильный мастер-иконник, которому я бы помогал, — сказал брат Николай.

— Без мастера, ты, Николай, не сможешь писать фрески. Не обижайся на прямоту моих слов. Нужно художественное образование, а его можно получить только в византийской школе или от мастера-иконника, который способен обучить, передать свои знания, — заключил дьякон Фёдор.

— А я и не обижаюсь, грех обижаться на мастера, но и один ты, Фёдор, не распишешь храм, хочешь не хочешь, а помощника тебе надо, возможно и не одного, а двух а то и трёх. Я помогал разным мастерам, за десятилетия кое-чему научился. Хоть сейчас вступай в артель, и айда по княжествам, храмы и палаты боярские и князьки расписывать. Только я другого склада человек, по мне лучше хлеб с солью, чем сытость в

горле. Здесь в монастыре и работа по душе, кров, хлеб, а в миру неизвестно, — рассудительно молвил брат Николай.

— Верно мыслишь, Николай. Некоторые князья мастеров-иконников зрения лишают, чтобы другим князьям и боярам такую красоту не расписывали в храмах и в палатах. Несправедливо лишать зрения мастера, делающего богоугодное дело, но у князей своя философия, — изрёк дьякон Фёдор.

— Злой князь не видит, что творит зло. Он считает, что вправе отнять зрение у тех, кто слабее его. Сеющий зло пожнёт возмездие. Фёдор, как бы ты назвал этот храм, — спросил брат Николай.

— Митрополит Пётр и игумен Ермил обсудят и назовут, — ответил дьякон Фёдор.

— Как назовут, так и будет, но вот между нами, как бы ты назвал этот храм? — спросил брат Николай.

— Можно назвать храм святых отцов. В память о святых отцах, живших до нас, — проговорил дьякон Фёдор и поднял глаза на каменный, расписанный свод церкви.

ГЛАВА 6

1318 ГОД, октябрь, Тверь. Двор кузнеца Трифона Ёрша. Напротив жилой избы стоит кузня. Между домом и скорняжной мастерской расположилась конюшня. Трифон взял из рук сына лисий мех и положил на телегу. Подошёл второй сын с мехом бобра. Трифон принял у него выделанные шкурки, бросив на мешковину, сказал:

— Ныне зверя много, только успевай из капкана вытаскивать.

— А если зверь подымется и уйдёт? — спросил младший сын Онуфрий.

— Не подымется, а ежели подымется, я другие места знаю. Правда далече идти, но места глухие, нога человека там не ступала, а кроме моей. Так что я вам эти места покажу, только вы сами не проговоритесь. Для себя у нас всегда мех будет, — заверил Онуфрия Трифон.

— Тятя, какие капканы на подводу класть? — спросил средний сын Григорий.

— Крупные, на большого зверя. На них спрос больше, хорошо идут. Ярмарка большая будет. Весь честной народ со всего Великого княжества Тверского будет, а также из Смоленска, Пскова и Великого Новгорода. Богатеет Тверь, вот что значит столица славянских княжеств, — подчеркнул Трифон.

— Так ли это, — возразил отцу старший сын Тимофей, выходя из жилой избы.

— А что, есть ещё столица в Суздальско-Владимирской земле. Говори коль знаешь. Ну, я весь во внимании, — недовольно произнёс Трифон.

— Слышал я от молодых бояр из старшего полка, что московский князь предъявил право на великое княжение. Раз московский князь бросил вызов, значит он хочет, чтобы столицей стала Москва, а не Тверь, — известил отца Тимофей.

— Не велика шишка этот московский князь, чтобы супротив великого князя Тверского и Владимирского идти, порычит малость и перестанет, кишка тонка. Но когда-нибудь он разозлит нашего князя-государя, и он третий раз пойдёт на Москву, на этот раз окончательно покончит с ней. Я и сам пойду, коль Великий князь позовёт. Бог любит троицу, третий раз будет последним, — заключил Трифон.

— Можешь не беспокоиться, Трифон Ларионович, тебя велик князь не позовёт, — заверила Любава, жена Трифона, выходя из хлева, который стоял рядом с конюшней.

На лице Трифона мелькнула улыбка, он недоверчиво проговорил:

— А ты, Любавушка, почём знаешь, что велик князь меня в поход не позовёт, он тебе что, вестового с отказом присылал. Может быть в моё отсутствие посыльный от велик князя был с наказом для меня.

— Зачем велик князю брать в поход искусного кузнеца, который доход казне приносит. Возьмут в поход, если он будет, кузнеца попроще, который умеет только лошадям копыта подковывать и годами помоложе, но не тебя, кузнеца — мастера золотые руки. Заказов у тебя невпроворот, велик князь и бояре про то знают, да и возраст у тебя за пять десятков перевалил. Епископ Варсонофий настойчиво доносит до сведения велик князя, что мужиков, которым за пятьдесят лет в поход не брать. Велик князь согласился и издал указ, этот княжий указ я узнала в церкви от бабушки, — пояснила Любава.

— В небесах я вижу Бога, на земле тебя, Любава Селивановна. Не люблю я, когда морщины сходятся у тебя на челе. Моль вредит одежде, червь дереву, а тревога сердцу. Пусть тревожится велик князь, как он решит, так и будет. Наше дело делать своё дело добросовестно. Вот что Тимофей, зайди в конюшню, — мудровато сказал Трифон.

Супруга Трифона улыбнулась. Заулыбались и Онуфрий с Григорием. Тимофей направился к конюшне открыл дверь и вошел в неё, через несколько секунд вышел и удивленно спросил:

— Чей это осёдланный конь стоит?

— Понравился? — хитро спросил Трифон.

— Настоящий боевой конь, наверное какой-нибудь витязь привёл подковать? — вопросительно предположил Тимофей.

— Хозяин здесь, только он ещё не витязь, но обязательно им будет, — с намеком проговорил Трифон.

— Где он? — недоумённо произнёс Тимофей.

— А ты его поищи, — посоветовал Трифон.

Тимофей посмотрел на отца, мать, братьев и бросился искать гостя. Вбежал в избу, выбежал из избы, направился в кузню, из кузни в амбар, из амбара в скорняжную мастерскую, оттуда в конюшню. Из конюшни вышел, развёл руками, произнёс:

— Гостя нигде нет. Говорите, чей конь?

— Твой! — обрадовал Тимофея Трифон.

— Мой?! — переспросил Тимофей.

— Твой. Мы так решили, хватить тебе в пещцах ходить. Раз сумел вступить в княжеский полк, владей. Трифон Ёрш не боярского рода, но лицом в грязь не ударил. Послужи верой и правдой князю-государю Михаилу Ярославичу, — торжественно произнёс Трифон.

— Спасибо за коня, отец. Надеюсь, он мне хорошо послужит, а там посмотрим. теперь я — верховой кметь, а стало быть, больше возможностей проявить себя, так что служба в князьем полку пойдет, я в этом уверен, — сказал Тимофей.

— Пойдет, пойдет, — согласился Трифон.

— Как зовут коня? — спросил Тимофей.

— Ветер, — ответил Трифон.

Тимофей бросился в конюшню, вывел коня под узды.

— Ну, Ветер, будем знакомы, — Тимофей похлопал по шее коня бурой масти, вставив ногу в стремя, махом очутился в седле.

— Сын мой, если хочешь в глазах бояр и кметей достичь уважения, то будь ко всем добр и почтителен, и в глаза и за глаза. Помни, что от защищённого тобой чести оклеветанного человека будет тебе от него и от людей почтение, а от Бога — милость Божия в ратном деле. Григорий, Онуфрий откройте ворота, — бросил сыновьям Трифон.

Братья открыли ворота.

— Ныне смотр будет, сам князь-государь пожалует. Пошёл, Ветерок, — подал команду коню Тимофей и выехал за ворота.

— А что, может быть Тимоша и в десятники выбьется, — предположила Любава.

— С его задатками прямая дорога в сотники и не иначе. Провалиться мне на этом месте, если Тимофей сотником не станет. Вот тогда я вдоволь посмеюсь над теми кто на него показывал пальцем и говорил: «Велика фигура, да дура», — Эй ребята, закрывайте ворота.

Григорий и Онуфрий кинулись закрывать ворота.

ГЛАВА 7

ЛЕС в десяти верстах от Твери. На буреломе сидят четыре человека. Рассёдланные кони щиплют траву на опушке.

Бывшие сборщики пошлин бежали из Твери, чтобы не попасть в застенки боярина Парфёна Полового. Один из мытарей с чувством гневного раздражения произнес:

— Эх, была жизнь привольная, да кончилась. Пришлось нам бежать, нам, тверским мытарям. В страшном сне такое приснится не могло, а наяву случилось. Никто не ожидал от князя-государя, что он возьмётся за тех, кому деньги к рукам прилипают.

— Видно сильно Орда прижала князя-государя, требует дани сверх того, что положено, по этой причине стал трясти боярин Парфён всех, кто утаивает пошлину от казны, — тяжело вздохнул Панкрат.

— Я так думаю? Что кто-то использовал это тяжёлое время и донёс на нас князю-государю. Мол сборщики налогов утаивают часть средств от казны в свою пользу. Кто-то отвёл беду от себя и указал на нас, мытарей, мол они крадут. У наших семей отнимут всё, даже корову не оставят. Ну ничего, ничего и на нашей улице будет праздник, — зло проговорил Романец.

— Будет ли? — спросил приставший к мытарям тверитянин по имени Зосим, убивший соседа боярина.

— Будет, это я тебе говорю, бывший старший мытарь по скоту и лошадям. Рано или поздно наши дорожки с князем-государём пересекутся, вот тогда я с него за всё спрошу, — заверил Зосима Романец.

— Погоди, Романец, причём здесь князь-государь. Орда требует выплаты дани в срок, любой бы на его месте поступил бы так. Нужны деньги, вот князь-государь и обратил внимание на богатых людей княжества. Насколько я знаю, от рождения богатым ты не был. Богатым ты стал на службе, вот и побег, потому что испугался, что на дыбу подвешат. На дыбе все признаются: откуда взяли деньги, от кого, сколько, когда

и в каком количестве. Я не знаю человека, который на дыбе сказал слово «не знаю», — сказал Зосим.

— Ну, что я побег, это не твоего ума дело. На службе тоже не всяк может подняться. Нужна хватка, ум, натура, сила. Этими качествами меня наградила природа, а остальное от жизни я взял сам. Я тебя никак не пойму, ты убил тверского боярина, то есть слугу князя-государя, и ты же считаешь, что князь-государь прав, что князь-государь имеет право отнимать у торговых людей нажитое, неважно каким способом имущество? — спросил Романец.

— Чтобы откупится от Орды, я считаю, что князь-государь имеет право отнимать то, что несправедливо нажито, а также и что праведно у богатых людей, иначе Москва возьмёт верх, — рассудительно сказал Зосим.

— Убивец ты, Зосим, беспощадный, не одну душу загубил, про то мне знамо, но с головой ты не ладишь. Ты знаешь куда мы бежим? — вопросительно протянул Романец.

— В Москву, — ответил Зосим.

— Зачем в Москву бежим, знаешь? — спросил Романец.

— Ясное дело, подальше от князя-государя, чтобы рука тверского боярина Парфёна нас не достала, — уверенно ответил Зосим.

— Мы едем в Москву на службу к князю московскому наниматься, чтобы отомстить князю Тверскому и Владимирскому. Понял? — твёрдо сказал Романец.

— Стало быть вы хотите убить князя-государя в Москве? — удивлённо спросил Зосим.

— Ну не обязательно в Москве, где представится случай. Конечно, если на это даст добро московский князь Юрий. А он даст добро, я в этом уверен, — убеждённо сказал Романец.

— погоди, Романец, в Твери ты говорил, что бежим в Москву искать защиты у князя Юрия, а сейчас ты говоришь, что мы едем в Москву наниматься на службу к князю Юрию с целью поквитаться с князем-государём Михаилом Ярославичем? — задал вопрос Зосим.

— То я говорил в Твери, так нужно было. Позабудь что я говорил в Твери, или ты не согласен мстить тверитянам за наш разор? — настороженно спросил Романец.

— Постой, постой, одно дело скрываться в Москве от возмездия, совершенно другое — вставать на сторону москвитов. Мало того, что мы бежим в Москву не с пустыми руками, так ты, Романец, предлагаешь встать на путь измены. Я не предатель и не согласен мстить тверитянам, — отрезал Зосим.

— Если ты не согласен мстить тверитянам, тогда зачем ты бежишь в Москву? — недовольно произнёс Романец.

— Искать правды у князя Юрия, убил-то я тверского боярина, а не московского, — резонно заметил Зосим.

— Всё зависит, как князь Юрий на это посмотрит, сегодня ты убил тверского боярина, как тебе кажется за дело, а завтра московского, и тоже ты скажешь за дело. Ведь можно кровь не проливать, есть княжий суд, который рассудил бы. Но ты, Зосим, не таков, сперва порешишь человека, потом зальёшь медовухой бельма, и вдруг тебе совестно стало, и идешь ты к другому князю искать правды, заметь не к своему, а к другому, к противнику своего князя. В то же время ты против мести тверскому князю. Запутался ты, Зосим, совсем, или мертвяки тебе покоя не дают, в общем так, или ты будешь говорить в Москве то, что я тебе скажу, или иди в Москву своей дорогой и говори там, что хочешь, если, конечно, доберёшься. Мы тебя не знаем, ты нас, — вынес решение Романец.

— Ну вот что, мытари, подумал я крепко и решил, что мне с вами не по пути, вы воры, и воровали вы по-крупному, а я душегуб. Лишал жизни плохих людей, а нормального человека, бедный он или богатый, не трогал. Сдамся в руки боярина Парфёна, а там пусть князь-государь решает, что со мной делать. Я возвращаюсь в Тверь! — твёрдо сказал Зосим.

— Кто груб умом, не внять тому премудрости. Ты меня не удивил, Зосим, я всегда считал, убийцу без идеи особо опасным человеком для любого князя. У тебя нет идеи, с которой можно идти в Москву, а моя идея тебе не понравилась. До Твери можно пешком дойти, мы недалеко ушли, а до Мос-

квы далече, а посему я забираю у тебя коня, иди, Зосим, с миром, — сказал Романец.

Зосим встал с поваленного ураганом дерева и смело сказал:

— А не много ли ты хочешь, пёс шелудивый? Возьмёшь моего коня только через мой труп.

Зосим обнажил саблю.

Мытари вскочили, схватились за поясные ножи.

— Стойте! — остановил мытарей Романец и встал, — вы его не возьмёте, тем более с ножами. Я сам решу этот вопрос.

Романец выхватил саблю из ножен. Зосим и Романец вышли на поляну.

— Так или иначе, тебя всё равно ждёт смерть, что от тверского князя, что от московского. Уж дюже ты правду любишь, и за эту правду готов утопить в крови любого, кто окажется у тебя на пути. Ты позабыл, что правда может быть только одна — княжья, — сказал Романец.

— Ты хорошо владеешь словом, мытарь, посмотрим, как ты владеешь саблей. Защищайся, — и Зосим нанёс коварный удар.

Романец его ожидал, но отбил с трудом. Поединок принял упорный характер. Зосим промахнулся, Романец моментально воспользовался ошибкой Зосима и проткнул его саблей. Зосим упал на колени, потом ниц. Романец вложил саблю в ножны, оглянулся вокруг. Дремучий лес стоял сплошной стеной, с вершины ближней ели взлетел ворон и запарил в небе. Романец подошёл к своему коню, вскочил в седло, подъехал к коню Зосима, взял за узды и тронул коня. Мытари сели на лошадей и последовали за своим вожакom.

ГЛАВА 8

ТВЕРЬ. Кремль. Великокняжеский двор.

К крыльцу подошёл боярин Парфён, поднялся по ступеням, толкнул дверь, вошёл в сени и спросил стражника, который стоял у массивной двери:

— Князь-государь один?

Стражник отчеканил:

— Да.

Боярин Парфён бросил:

— Доложи: боярин Парфён Борисович Половой.

Стражник скрылся за дверью, через минуту появился и пригласил:

— Князь-государь ждёт Вас.

Боярин вошёл в открытую дверь и очутился в приёмной палате. У камина за письменным столом сидел Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич. Он что-то писал костяной палочкой по пергаменту. Великий князь поднял глаза и приветливо произнёс:

— Присаживайся, Парфён Борисович.

Боярин Парфён сел на лавку возле стены.

— Поймали мытарей? — поинтересовался князь-государь.

— Нет. Ушли, но я взял их сообщников, — доложил боярин Парфён.

— Кто они? — спросил князь-государь.

— Бояре из Торжка и Ржева. Из Торжка ниточка тянется в Великий Новгород, а из Ржева в Москву. Эти бояре были в сговоре с мытарями и вместе с ними утаивали часть доходов от казны, — известил боярин Парфён.

— Они тебе сами об этом сказали? Или ты их допросил? — осведомился князь-государь.

— Я попросил их по-хорошему, иначе не признались, а так сказали всё. Что утаивали от казны, когда, где, с кем вступали в сговор. Везде фигурируют мытари, которые сбежали в Москву. Серебришко бояре из Торжка переправляли в господин Великий Новгород, а бояре из Ржева выручку от продаж соли

переправляли в Москву. Что прикажете делать с продажными боярами? — поставил вопрос боярин Парфён.

— Отпустить и предупредить, что за подобные преступления головы им не сносить, — решил князь-государь.

— Вы благодусны к своим врагам, — заметил боярин Парфён.

— Ты их и так здорово наказал. Не покалечил? — полюбопытствовал князь-государь.

— Нет, князь-государь. С боярами я аккуратно работаю. В основном висят на дыбе. Для них этого достаточно, чтобы язык развязался. Я пытаюсь донести до сознания отступивших от праведной жизни бояр, что честным быть выгодно. Кто осознаёт, тот сохраняет себе здоровье, а стало быть и жизнь, — сказал боярин Парфён.

— Постарел ты, Парфён Борисович, постарел, — мягко произнес князь-государь.

— Постареешь тут... Знатные люди громадные средства от казны утаивают, вывозят их в Москву и Великий Новгород. Допрашивать приходится тех, с кем недавно был на равных. Вот и постарел. Всё врут, изворачиваются — противно. Силу применишь, и сознаются, начинают правду говорить, — вздохнул боярин Парфён.

— Это понятно, иначе правды не добьёшься. Помимо этого что гложет душу твою? — спросил князь-государь.

— Новость, которую открыл мне в обмен на жизнь ржевский боярин, — сообщил Парфён.

— Что за новость? — справился князь-государь.

— Беда великая надвигается. Князь Юрий женился на ханше Кончаке, сестре Великого хана Озбьяка. Для усиления власти ханши её могущественный брат дал ей отряд монгольских всадников. Московский князь собрал под свои знамена славянских князей из Ордынской Руси и двинулся на нас. Война приближается, — известил князя-государя боярин Парфён.

— Опять междоусобица. Выходит, подписанная грамота о мире ничего не значит, — тяжело вздохнул князь-государь.

— Московский князь над всеми славянскими данниками орды власти алчнет, но Тверь ему без осадных стенобитных

орудий и византийского огня, сжигающего бревна в крепостной стене, не взять. Тверь у кривичей означает твердь. Зная, что высокую крепость не взять, московиты с монголами творят неслыханные зверства над людьми, чтобы заставить нас выйти в поле. Душу раздирающие стоны несутся над растерзанными приграничными землями тверского княжества. Это не завоевание, это уничтожение под корень, — пояснил боярин Парфён.

Воцарилась тишина.

— Что Владимир? — нарушил молчание князь-государь.

— Владимирские бояре при виде монгольского отряда перешли на сторону московского князя. Страх за жизнь близких движет ими, — сказал боярин Парфён.

— Мы творили зло в Московии, но не творили зверства над людьми. Теперь наша очередь защищаться. Я знаю место, где мы дадим сражение, — сурово сказал князь-государь.

— Очевидно одно, что в отличие от хана Тохты, хан Озбяк совершенно другой человек. Какой? Нам предстоит узнать, — протянул боярин Парфён.

— Печальная весть, но шила в мешке не утаишь, люди узнают, но, как известно, удача бывает переменчива, — промолвил князь-государь.

— Московский князь получил в приданое ярлык на великое княжение, теперь князь Юрий не просто союзник хану Озбяку, но и родственник, — подметил боярин Парфён.

В палату вошёл дьяк и объявил:

— Ростовский князь Дмитрий Борисович и кашинский воевода Андрей Тимофеевич.

В палату вошли ростовский князь и кашинский воевода.

— Здрав буди, велик князь-государь, — поздоровался ростовский князь.

— Здрав будь, князь Дмитрий Борисович, — ответил князь-государь.

— Здрав буди, велик князь-государь, — поклонился кашинский воевода.

— Здрав будь, Андрей Тимофеевич, — отозвался князь-государь.

— Прознал я про то, что московский князь идёт войной на тебя, вот и решил помочь. Это дело междоусобное, Орда вмешиваться не будет. Тем более нападающей стороной является Москва и её союзники. Дал же хан Озбяк своему родственнику князю Юрию конницу, почему я не могу помочь своему зятю, мужу моей дочери? Заехал в Кашин, уговорил воеводу Андрея Тимофеевича выступить вместе со мной на твоей стороне и разделить судьбу на поле брани. Хочу спросить тебя, где думаешь дать отпор вражескому войску? — вопросом закончил речь князь ростовский.

— В сорока верстах от Твери, недалеко от Старицы, вблизи села Бортнево. Там проходит дорога из Москвы на Великий Новгород. Есть простор для манёвра и лес, где можно скрыть резерв, — ответил князь-государь.

— Место будущей битвы для нас удобное. Снега выпало очень много, мороза нет. Конница противника увязнет в мокром снеге и лишится манёвра. Согласен, — подал голос воевода Андрей Тимофеевич.

— Друзья, вы появились, когда отчаяние охватило мою душу. Сообща мы можем дать отпор врагу. Решено, поле брани будет у села Бортнево, — утвердительно произнёс князь-государь.

— Решено, — согласился князь Дмитрий Борисович и добавил, — Если бы на тебя пошла Орда, я бы тебе не помог. Я получил известие из Орды, хан Озбяк не давал полномочий хану Кавгадью участвовать в междоусобных распрях славянских князей. Кто такой хан Кавгадый? Я не знаю, но хотелось бы узнать. Что говорят твои люди про этого хана? — спросил ростовский князь.

— Нам этот хан неведом. Возможно, келарь Андрей что-нибудь знает о нём. Будучи дьяком, он служил во Владимире у митрополита Максима, — предположил князь-государь.

— Позовите его сюда, князь-государь, — попросил князь Дмитрий Борисович.

— Сюю минуто не могу. Он живет в монастыре в лесной глуши, — с сожалением молвил князь-государь.

— Пошлите к нему людей без промедления. Пусть спросят о хане Кавгадые, нам необходимо знать о нём как можно больше. Возможно, он является ключевой фигурой в организации похода против Великого княжества Тверского, — сказал князь Дмитрий Борисович.

— Я поеду, — вызвался боярин Парфён.

— Теперь я вижу, что бывший епископ не ошибся в оценке московского князя. Но тогда я и предположить не мог, что князь Юрий решится на такое. Я обошёлся с епископом несправедливо, этого требовала обстановка. Хочу загладить перед ним вину, — проговорил князь-государь, встал с кресла, открыл шкаф, достал небольшой кожаный мешочек, закрыл шкаф и передавая мешочек боярину Парфёну произнес:

— Возьми серебро, боярин. Передашь келарю Андрею на нужды монастыря. Он поймет. Ступай. Да хранит тебя Господь.

Боярин взял деньги, развернулся и быстро вышел из палаты.

ГЛАВА 9

ТВЕРЬ. Ярмарка. Тимофей идёт по направлению к толпе. На нём зелёная, опоясанная кожаным поясом, рубашка. С четырёх сторон рубашки разрезы, отороченные вышитым кантом. Вокруг шеи на грудь опускается вышитый красной ниткой кант. Русые волосы подстрижены под горшок, посередине пробор. Тимофей обладал весом сто тридцать килограммов и ростом около двух метров.

Он подошёл к толпе, над которой витал дух веселья. Перед его глазами предстало необычное зрелище. Здоровенный парень пытался поднять телёнка. От напряжения его лицо покраснело. Старик с небольшой бородкой подшучивал над молодым человеком:

— Милок, ты особо не тужься, а то телёнка испугаешь.

Смех в толпе.

Женщина средних лет, стоявшая рядом с лукавым дедом, ойкнула:

— Ой, батюшки, как пыжится, того и гляди лопнет.

Шустрый дед шутливо молвил:

— Родимый, не пыхти дюже сильно, не ровён час, телок околет.

Смех в толпе.

После очередной попытки парень оставил безнадёжное для него предприятие. Елисей, новгородский купец, который устроил это представление, обращаясь к неудачнику, потешливо сказал:

— Торг потеху любит. Не видать тебе, простец-молодец, монет как своих ушей. Ешь щи с мясом, а не хлеб с квасом.

От первых рядов отделился Тимофей и зычно заявил:

— Испытаю удачу и я. Не возражаешь, купец-ловец?

Окинув Тимофея взглядом, купец Елисей игриво обронил:

— Нет. Раз пожалел в чести быть, покажи, на что способен.

Подымешь телёнка, три алтына твои.

Тимофей подошёл к телёнку, подсел под него, обхватив правой рукой за левую переднюю конечность, а левой рукой — за заднюю конечность, прогнул спину, легко встал.

Через несколько секунд Тимофей опустил телёнка на землю.

Елисей восторженно воскликнул:

— Молодец! Удивил меня. Сила у тебя, как у медведя.

— Молодец — среди овец, а против молодца и сам овца.

Гони монету, купец новгородский, — весело сказал Тимофей.

Елисей достал из кошелья три алтына, протянул их Тимофею, восхищённо проговорил:

— По заслуге и почёт. Приз твой, до тебя никто не выигрывал.

Тимофей взял монеты, положил в кошель, висевший на правой стороне пояса, задорно произнёс:

— Деньги — как гость, сегодня нет, а завтра горсть. Почаще бы такие купцы, как ты, на ярмарку приезжали, народ веселить, себя удивить да самому почудить.

— Народ веселить да товар предложить. Я на выдумки горазд. Эй, Емеля, выводи своего медведя, — жизнерадостно протараторил Елисей, оборачиваясь к обозу, где у телеги на цепи сидел медведь, а рядом стоял мужик в холщовой рубахе, подпоясанный верёвкой, в лаптях, с намордником в руках.

Услышав зов хозяина, Емельян сказал, одевая на пасть зверя намордник:

— Пора, Потапыч, зовут нас.

Отвязав медведя, он повёл его к толпе. Подойдя к народу, громко предупредил:

— Раздайся честной народ, Емельян с медведем идёт.

Толпа расступилась.

Емельян обратился к медведю:

— Потапыч, покажи, как баба коромысло носит.

Медведь пошёл вразвалочку.

Смех в толпе.

Медведь развернулся и вернулся к Емельяну. Емельян вынул из котомки кусочек твёрдого мёда и сунул его в пасть зверю.

— Потапыч, а теперь покажи, как батюшка в церковь на службу ходит, — сказал приручённому медведю Емельян.

Медведь, задрав голову и сложив лапы на груди, чинно пошёл, не доходя до первых рядов, развернулся и возвратился к Емельяну.

Раздался смех.

Поводырь-дрессировщик достал из котомки мёд в сотах и подал его к пасти медведя.

* * *

— Тимофей!

Тимофей остановился, обернулся на оклик и увидел Кирилла, кметя из младшего княжеского полка. Кирилл в белой рубахе с кантом, с разрезами с четырёх сторон внизу, с вышитым кантом вокруг шеи, спадающим на грудь, серые штаны заправлены в сапоги.

Кожаный пояс с кинжалом.

Приятель по службе подошёл к Тимофею и сообщил новость:

— Боярин Парфён Борисович собирает кметей сторожевого полка в Тверь.

— Если советник князя-государя объявил сбор кметям сторожевого полка, значит, серьёзное дело предстоит, — предположил Тимофей.

— А что за дело, никто не знает. Пойдём на круг, где купеческая управа, — предложил Кирилл.

— Что ещё интересного придумали купцы тороватые? — полюбопытствовал Тимофей.

— Старшина стражников немецкого обоза рыцарь Ольгерд вызывает на состязание трёх витязей. Князь-государь с супругой будут, а также княжичи, бояре и молоденькие боярышники, — ответил Кирилл.

— Поединок перед знатными особами — обычное явление в Неметчине, — заметил Тимофей.

— Состязание организовали немецкие купцы в знак доброго расположения к ярмарке, — поведал Кирилл.

— А ты почём знаешь? — спросил Тимофей.

— Сотник сказал, придворный дьяк ему родня. Плотники принесли на поляну княжеские кресла, скамейки, делают ограждения. Я поспешил найти тебя, — молвил Кирилл.

— Что ждёт победителя? — поинтересовался Тимофей.

— Серебряный крест с рубиновым камнем на цепочке, — сказал Кирилл.

— Меня разжигает любопытство, кто из витязей старшего полка будет противостоять рыцарю, — проговорил Тимофей.

— Витязи есть, но если они не одолеют рыцаря, попробуешь ты, — подзадорил товарища Кирилл.

— Я? Да ты в своем уме? Могу ли я, простолюдин, участвовать в турнире витязей? Ты знаешь, что мне будет, если я рискну нарушить закон Великого князя? Что мне будет за обман? — возмутился Тимофей.

— Знаю: тяжёлая, черная работа, — сообщил Кирилл.

— Срам и позор ляжет на меня и мою семью. Нет, не предлагай, пойдём лучше посмотрим турнир, — предложил Тимофей.

— Ну, разве это счастье быть всадником такому сильному и искусному кметю как ты? Тимоня, я тебе как кметь кметю говорю: эти витязи твоего мизинца не стоят. Риск — дело благородное. Я в тебе уверен и разделю твою участь. Или ты сейчас станешь витязем, или мы вместе уйдём в Великий Новгород служить наёмниками. Согласен? — прямо спросил Кирша.

— Эх, мать честная! Была, не была. Дуй, Кирша, ко мне домой за доспехами, да побыстрей, — согласился Тимофей.

— Вот, это другое дело! — обрадовался Кирша и быстро удалился.

Навстречу Тимофею идёт толпа скоморохов-музыкантов. Скоморохи усердно выводят звуки весёлой гармоничной мелодии. Тимофей остановился. Улыбка появилась на его лице. Народная музыка привлекла внимание гуляющего люда, и толпа пошла за скоморохами. Тимофей проводил их взглядом и подошёл к плотным рядам людей, окружившим ристалище.

Под навесом, на возвышении, в креслах сидели Великий князь Михаил и Великая княгиня Анна. Слева от Великого князя сидели князь Дмитрий, князь Александр, бояре и знатные горожане. Справа от Великой княгини Анны сидели боярыни, боярышни, купцы и гости.

* * *

— Витязь Микейша Бороздин! — объявил бирюч.

На круг вышел кметь — боярин Микейша в белой льняной рубахе, окантованной по краям, в синих штанах, коричневых сапогах, опоясанный кожаным ремнём.

— Рыцарь Ольгерд! — объявил бирюч.

С другой стороны круга вышел рыцарь Ольгерд. Он в красной рубахе из плотной шерсти с двумя разрезами по бокам ниже колен. Рубаха перехвачена широким кожаным ремнём. Чёрные штаны закрывает рубаха. Сапоги напоминают краги.

— Запрещается наносить удар в лицо. Запрещается наносить удар ногой выше колена. Разрешаются: толчки, поднож-

ки, заступы, удары по плечам и в грудь. Сходитесь, — объявил бирюч и подал знак кметю.

Кметь протрубил в рожок. Противники приблизились друг к другу и приняли боевую стойку. Кисти соперников облачены в кожаные варежки.

Микейша выставил левую ногу, ударил левой рукой в грудь рыцарю. Рыцарь Ольгерд отбил левой рукой удар Микейши. Микейша сильнее ударил левой рукой в грудь рыцарю.

Рыцарь Ольгерд ловко захватил левую руку Микейши, прижал её к груди, подцепил мыском левой ноги за пятку левой ноги Микейши, выведя его из равновесия, толкнул.

Микейша упал. Лицо рыцаря расплылось в улыбке.

Довольный исходом поединка, ганзейский советник Доль произнёс:

— Хорошо, Ольгерд, хорошо.

Микейша поднялся и покинул поле. Рыцарь Ольгерд отвесил поклон князю-государю и вернулся на свою сторону. Бирюч вновь зычно объявил:

— Вызываются витязь Иван Акинфыч и рыцарь Ольгерд!

На правой стороне круга появился владимирский боярин. На нём синяя рубаха с кантом, на рубаху одета добротная кольчуга до колен, на кольчугу одет зеркальный доспех. На голове шлем. Руки закрывают наручи до локтя, на кистях боевые рукавицы. Коричневые штаны убраны в красные сафьяновые сапоги.

Боярин поклонился князю-государю Михаилу Ярославичу, повторил полупоклон в сторону немецкого рыцаря, тот ответил ему кивком головы.

Боярин Иван Акинфыч подошёл к князю-государю и обратился к нему:

— Князь-государь, слышал я от купцов новгородских, будто бы серебряный крест является боевой наградой в Ливонском ордене, и заслужить её можно или в бою, или на турнире. Иноземные рыцари иногда устраивают турнир в Великом Новгороде, в нём принимают участие и русские витязи, чтобы не принизить значение высокой награды, прошу Вас, князь-государь, назначить турнир — пеший поединок.

— Рыцарь Ольгерд, подойди ко мне, — позвал немецкого рыцаря Великий князь Михаил Ярославич.

Немецкий рыцарь подошёл к Великому князю и Великой княгине.

Слева и справа от великокняжеской четы стоят вооружённые кмети.

— Рыцарь Ольгерд, согласен ли ты вести бой по правилам турнира? — спросил Великий князь.

— Да, Великий князь, и хочу напомнить витязю, что по правилам турнира доспехи побеждённого переходят в собственность победителя. Состязание в силе и ловкости отличается от участия в турнире или турнирном поединке рядом правил. Зная, что доспехи стоят больших денег, ганзейский советник господин Доль, чтобы не показаться меркантильным в Ваших глазах, назначил состязание в честь ярмарки, но благородный рыцарь сам проявил инициативу и предложил турнирный поединок, — сказал рыцарь Ольгерд.

— Витязь Иван Акинфых, ты согласен вести бой по правилам турнирного поединка? — спросил Великий князь.

— Да, князь-государь. Прошу Вас позволить мне избрать боярышню, которая вручит награду победителю, — попросил Великого князя владимирский боярин.

— Назови имя избранной боярышни, — молвил Великий князь Михаил.

— Боярышня Агриппина Половая, — торжественно произнёс витязь.

Ланиты на красивом лице боярышни Агриппины мгновенно вспыхнули.

— Напоминаю правила поединка: нельзя колоть, наносить удары ниже пояса, а так же поражать соперника, если он преклонил колено или опустил меч. Расходитесь, готовьтесь к поединку, — промолвил Великий князь Михаил Ярославич.

Рыцарь Ольгерд и боярин Иван Акинфых пошли на исходные позиции. Великий князь приказал слугам:

— Принесите затупленные мечи и кинжалы и вручите участникам.

Рыцарь Ольгерд надел на себя кольчугу. Опоясался кожаным ремнём с металлическими пластинами. Надел наручи и кольчужные перчатки. Взял у оруженосца шлем и надел на голову. Подошёл княжий слуга и передал турнирное оружие оруженосцу. Рыцарь Ольгерд взял у оруженосца меч и кинжал и повернулся к центру в ожидание сигнала.

Бирюч скомандовал кметю:

— Труби!

Кметь протрубил в рог несколько раз, что означало начало боя. Соперники пошли на сближение. Боярин нанёс сокрушительный удар, рыцарь умело отбил его. Они начали перемещаться по кругу. Рыцарь Ольгерд нанёс каскад ударов, которые отбил владимирский боярин.

Идёт обмен ударами, темп поединка нарастает. Немецкий рыцарь моложе боярина на пятнадцать лет, его дыхание ровное, движения последовательны и точны. Иван Акинфич, учащённо дыша, сделал обманное движение и провалился с ударом, этой оплошностью мгновенно воспользовался рыцарь Ольгерд и зашёл за спину боярина, сильно хлестнул его мечом по доспехам, сперва справа, потом слева, после атаки толкнул в спину. Боярин упал, рыцарь Ольгерд наставил на упавшего меч, что означало полное поражение.

— Труби! — отдал команду бирюч.

Кметь подал сигнал окончание боя. Рыцарь Ольгерд вложил меч в левую руку, правую приложил к сердцу, поклонился Великому князю и направился на исходную позицию.

* * *

Тимофей подошёл к бирючу и негромко сказал:

— Объявляй меня.

— Как тебя представлять? — окидывая атлета взглядом, спросил бирюч.

— Кметь из младшего княжеского полка Тимофей Ёрш, — отчеканил Тимофей.

Бирюч усмехнулся:

— Ты знаешь, что мне будет, если ты, кметь-простолоудин, потерпишь поражение?

— Я знаю, что тебе будет, если я одержу победу, — заинтригованно намекнул Тимофей.

— Что? — заинтересованно спросил бирюч.

— Доспехи владимирского боярина, которые он выкупит у тебя, — выдал Тимофей.

— Боже мой, это целое состояние, — поразился бирюч.

Оценивая физические возможности Тимофея, бирюч решился:

— Где твои доспехи?

— Сейчас принесут, — ответил Тимофей.

— Смотри, не оплошай. Я объявляю тебя, — сказал бирюч и пошёл в центр поля.

Он остановился перед Великим князем Тверским и Владимирским и зычно объявил:

— На поединок вызываются рыцарь Ольгерд и витязь Тимофей Ёрш!

Рыцарь кивком головы поприветствовал витязя на противоположном конце поля. Тимофей ответил на приветствие рыцаря кивком головы.

— Я впервые вижу этого витязя. Он, наверное, из провинции, — предположил боярин Парфён.

— Этот храбрец из моего полка, если он победит, я назначу его сотником, — сказал удивленный князь Дмитрий.

— А если потерпит поражение, покинет его ряды. Бирюч за обман будет чистить конюшни сторожевого полка, — недовольно проговорил боярин Парфён Борисович.

Появился Кирша с доспехами.

— Успел, — выпалил Кирилл.

— Вовремя, — согласился Тимофей.

Тимофей быстро надел пластинчатые доспехи с наплечниками, застегнул их, затянул кожаный пояс, надел подшлемник, на подшлемник надел шлем.

* * *

Прозвучал рожок. Соперники пошли на сближение. Рыцарь Ольгерд уверенно начал атаку, но все попытки поразить Тимофея терпели неудачу. Удары сыпались с обеих сторон.

Рыцарь Ольгерд решил быстро закончить поединок. Он принял удары меча и кинжала, сделал заступ правой ногой, но Тимофей разгадал замысел рыцаря Ольгерда и с силой толкнул его, действуя на опережение, подбил пятку правой ноги рыцаря. Рыцарь Ольгерд упал, и тут же Тимофей наставил ему меч в грудь. Прозвучал рожок.

* * *

Рыцарь Ольгерд поднялся, поклонился Великому князю и покинул ратное поле. Тимофей подошёл к Великому князю, поклонился в пояс, затем поклонился Великой княгине.

— Сражался ты отменно. Откуда ты, витязь? Как имя твоё? — спросил Великий князь Михаил Ярославович.

— Не гневайся, Великий княже! Родом я из Твери, кличут меня Тимофеем. Я сын кузнеца Трифона Ёрша. Прости князь-государь, что нарушил твой закон, не стерпела душа, решил постоять за честь тверских витязей, — ответил Тимофей.

Княгиня Анна повернулась к князю, положила белую изящную кисть правой руки на локоть супруга и что-то шепнула на ухо.

— Где ты научился ратному делу? — скрывая недовольство, спросил Великий князь.

— Служу я, Великий княже, в младшем княжеском полку, там и научился, — ответил Тимофей.

— Тысяцкий младшего княжеского полка — мой сын, князь Дмитрий. Пусть он решает, быть тебе в чести или опале. Иди к нему, — вынес свой вердикт Великий князь.

— Славен будь, свет велик князь-государь, — сказал Тимофей, поклонился Великому князю в пояс. Мерным шагом с гордо поднятой головой направился кметь Тимофей к скамье, где сидел князь Дмитрий и боярин Парфён. Он подошёл к князю.

— Вижу, ты искусный поединщик, я ценю таких кметей. Хоть ты и нарушил закон, но ты победил, порадовал нас. Ты будешь обучать меня секретам боевого искусства, — приказал князь Дмитрий.

— Согласен, князь, но предупреждаю: занятие это трудное и изматывающее. Вы готовы? — спросил Тимофей.

— Готов. За то, что ты победил немецкого рыцаря, я назначаю тебя сотником и приглашаю на почестен пир. Крест, который ты сейчас получишь, будет пропуском в Кремль.

Тимофей склонил голову, положил руку на сердце и произнес:

— Благодарю за оказанную честь, князь.

* * *

Бирюч в радостном настроении торжественно провозгласил:

— Приз победителю!

Тимофей приблизился к бирючу и оказался перед Великим князем и Великой княгиней.

Боярышня, сидевшая на скамейке рядом с креслом, на котором сидела Великая княгиня Анна, встала, взяла со стоящего рядом столика оловянный поднос, покрытый атласной тканью, и подошла к Тимофею. Бирюч снова объявил:

— Боярышня Агриппина Половая, подойдите.

Изящная боярышня Агриппина встала со скамьи и подошла к сотнику. Бирюч сорвал атласную ткань красного цвета с подноса, на котором лежал серебряный крест с рубином на крупной цепочке, и церемониально провозгласил:

— Избранная боярышня, вручите награду победителю.

Боярышня Агриппина взяла крест с подноса и одела его на склонённую шею сотника, при этом молвив:

— Рубиновый камень означает храброе сердце кметя.

Тимофей поднял голову, их взгляды встретились.

ГЛАВА 10

МОСКВА. Монастырский цветущий яблоневый сад. Седовласый монах мажет кисточкой ствол дерева, молодой послушник рубит топором отсохшие ветви деревьев.

— Сколько лет саду, а всё плодоносит и плодоносит, — промолвил старец Серафим, опуская кисточку в ведро с известью.

— Ежели за каждой яблонькой ухаживать, как знахарь за больным, ещё долго плодоносить будет. Повыше мажьте, отче, вроде ранка на коре, — поправил послушник Никодим, кидая веточки в костёр.

— Ох, не заметил, глаза уже не те, — монах нанёс слой извести на повреждённый участок коры яблони.

— Сравнение очень верное. Яблоня, она ведь тоже живое существо, требует к себе заботы и внимания. Ты к ней с душой, и она тебе этим ответит, — обронил старец Серафим.

— Не сад, а рай, оттого и работается с упоением, — окидывая взглядом фруктовый сад, проговорил послушник.

— Мы люди Божии, созерцание природы для нас имеет особый смысл. На сегодня всё, — сказал старец и положил кисточку в ведро.

— Отче, а вам не кажется странным дьякон Фёдор? — спросил послушник Никодим.

— Нет, не кажется. А почему ты спросил? — поинтересовался старец Серафим.

— Да нелюдимый он, молчаливый, братию сторонится и в то же время живо прислушивается к разговорам в монастыре, — поделился наблюдением послушник.

— Все мы до прихода сюда были мирскими людьми, и каждый из нас пришёл в монастырь со своей бедой. Может быть у отца дьякона Фёдора большое горе? В божьем месте не принято расспрашивать человека. Здесь душу открывают только Богу. Если бы отец дьякон хотел общаться с людьми, остался бы в миру. А он пришёл в монастырь и не он один. И каждый

должен ответить сам себе, зачем он здесь, — изрек мудрый старец Серафим.

— Я совершенно случайно подслушал разговор дьякона Фёдора и брата Никона, бывшего московского боярина. Дьякон Фёдор интересуется жизнью московских князей, интересуется какого мнения о митрополите игумен Ермил. Я по разговору понял, что Фёдор — посланец митрополита Петра из ратского монастыря, того, что на Вольни, и ему необходимо знать мнение московской епархии, — умозаклучил послушник.

— Эко ты куда зашёл в своих мыслях. Выбрось все из головы и никому не говори, если хочешь посвятить жизнь Богу. Митрополита Петра на святой престол во Владимир прислал константинопольский патриарх. Это я тебе к тому сказал, что бы ты не пытался судить о делах, в которых ничего не смыслишь. Пора на службу, идём, — молвил старец Серафим.

ГЛАВА 11

ТВЕРЬ. Великокняжеский двор представлял собой сложный архитектурный ансамбль. В Кремль входили княжеский терем-дворец и представительные дома бояр. Кремль окружала стена из бревен с оборонительными крытыми переходами. За крепостными стенами шли посады. Перезвон во все колокола по очереди стоял в граде.

Столовая палата в тереме-дворце. Стены покрыты живописным орнаментом. В центре у стены, возвышаясь, стоит великокняжеский стол, покрытый темно-синим бархатом.

За ним сидят Великий князь Михаил и Великая княгиня Анна. Справа от великокняжеского стола сидят князья Дмитрий и Александр, бояре, витязи, купцы и иноземные гости. Слева от великокняжеского стола сидят боярыни, молодые девушки из боярского и купеческого сословия, дворовые

девушки и за отдельным столом — духовенство. На скатертях стоят приготовленные блюда: узорчатые деревянные чаши с ягодным киселём, чеканные серебряные чаши с брагой и стоялым мёдом.

В центр палаты вышел стольник и торжественно произнёс:

— Великий князь Тверской и Владимирский свет Михаил Ярославич даёт пир в честь ярмарки. Хлеб-соль, гости именитые! Хлеб-соль, бояре столбовые! Хлеб-соль, купцы тороватые! Подымест чарку со стоялым мёдом за здоровье князя-государя!

Все присутствующие взяли чарки со стола, поднялись и вторили стольнику:

— Слава!

Выпив мёд, брагу, кисель за здоровье Великого князя, тверитяне и гости садятся и принимаются за еду, которая стоит во множестве. Столы ломятся от изобилия яств. Музыканты выводят на лютне, гудке, рожке, жалейке, свирели мелодию. Стоит гул.

Сотник Тимофей сидит за одним столом с витязями из старшего княжеского полка и искоса посматривает на боярыню Агриппину.

— Сотник, ты так смотришь на боярыню, будто она небесное создание, — подметил витязь Микейша.

— Глаз радуется, какой наряд, какие очи, купава лебёдушка. Счастлив тот, кто рядом с ней, — вздохнул Тимофей.

— Пока она свободна, но поклонников родовитых у неё достаточно. Знаешь, кто её отец? — спросил витязь Горденя.

— Нет, — ответил Тимофей.

— Боярин Парфён Борисович Половой! — известил сотника витязь Горденя.

— Советник князя-государя?! — смутился Тимофей.

— Сейчас ты получил серебряный крест с рубином, и ты рад. Но для полного счастья тебе нужна боярышня Агриппина. Только она сможет сделать тебя самым счастливым или самым несчастным молодцом в тверском княжестве. Стало быть, ты не откажешься от борьбы за свое счастье? — полюбопытствовал витязь Горденя.

— Нет, витязь, не откажусь, — решительно произнёс Тимофей.

— Владимирский боярин, мечтающий получить её в жены, человек состоятельный. Бороться с ним за сердце первой красавицы княжества очень сложно, это не ратное дело, где отношения может решить один удар. Существуют вековые традиции, которые запрещают браки представителей боярского сословия с простолюдинами, и кто этот закон нарушит, того ждет опала Великого князя, — сказал витязь Микейша.

— Так ли это, витязи? — в сердцах спросил Тимофей.

— Так, сотник. Но на государевой службе может представиться случай, который приблизит сотника к князю-государю, и тогда князь-государь закроет глаза на твое происхождение, и возможно, даже поспособствует, замолвит слово перед грозным отцом. Всё зависит от обстоятельств, — обнадежил сотника витязь Горденя.

— Время покажет, кто будет достоин внимания боярышни Агриппины, — проговорил Тимофей.

— Как боярин Парфён скажет, так и будет, — заверил витязей молодой боярин Микейша.

— Хоть я простого рода, чести кметя в бою не уроню, — твёрдо пообещал Тимофей.

— Доблесть в бою среди витязей ценится превыше всего. Вот тебе моя рука, быть тебе витязем среди нас равным, — сказал Микейша и протянул сотнику руку. Тимофей пожал протянутую ладонь.

— Держи и мою руку, — боярин Горденя протянул руку, сотник пожал и её, — я, знатный тверской боярин, Горденя Кувшинов, готов оказать тебе поддержку в трудную минуту.

— Спасибо, славные витязи! Теперь мне сам черт не страшен, — бодро воскликнул Тимофей.

— В наших рядах прибыло! Выпьем за нового витязя, — предложил витязь Микейша. Витязи подняли чарки с вишневой медовухой.

Музыканты заиграли боярский танец. Князя, молодые бояре и боярышни вышли в круг. Бояре построились в шеренгу, боярышни напротив. Боярин Иван Акинфич занял место

в шеренге напротив боярышни Агриппины. Под звуки мелодии шеренги медленно сошлись, плечом к плечу, глядя глаза в глаза, разворачивались и возвращались на исходную позицию. При этом молодые люди двигались энергично, а у девушек движения плавные и грациозные. Иван Акинфыч не сводит глаз с Агриппины, взгляд боярышни притуплён.

— Время прошло достаточно, для того, чтобы открыться. Люб ли я Вам, по нраву ли? Я оказываю Вам знаки внимания, об этом знает весь княжеский двор. Дайте мне ответ: быть свадьбе или нет. Зову Вас под венец, — признался владимирский боярин Иван Акинфыч.

— Чтобы ответить «да», я должна Вас полюбить, но я не могу полюбить Вас против своей воли, — мягко отказала боярышня Агриппина.

— Дух занимается, ум помрачается, Агриппина Парфёновна, — взволнованно сказал боярин.

— Сердцу не прикажешь, — потупила взор боярышня.

— Что же Вы не смотрите мне в глаза? — нервно спросил владимирский боярин.

— Не могу я смотреть в глаза, если нет чувств, — тихо произнесла боярышня Агриппина.

— Чувства сразу не приходят, на это нужно время, — настойчиво проговорил Иван Акинфыч.

Агриппина, заметив, что боярыня Апраксия направилась к выходу, сказала Ивану Акинфычу:

— Боярыня Апраксия уходит, я должна ей кое-что срочное сказать. Я Вас покидаю, но веселье продолжается.

Бросив взор на Тимофея, боярышня покинула шеренгу. Тут же встала красивая дворовая девушка и заменила боярышню.

* * *

Тимофей поднялся, вышел из столовой палаты в переднюю, прошёл её, открыл дверь, вошёл в сени и спустился по парадному крыльцу. Тимофей посмотрел на смеркающееся небо и задумался. Дверь открылась, Тимофей обернулся и увидел спускающихся с крыльца боярыню Апраксию и боярышню Агриппину.

— До свидания, Агриппина, — попрощалась боярыня Апраксия.

— До свидания, Апраксия, — произнесла боярышня Агриппина.

Апраксия пошла к воротам великокняжеского двора, где её ожидали слуги.

— Вы живёте в Кремле? — осторожно спросил Тимофей.

— Да. Здесь не только хозяйственные дворы, но и дома тверских бояр, а также подворье епископа Варсонофия, — ответила Агриппина.

Тимофей, заворожённый архитектурой деревянного Кремля, промолвил:

— Красота поднебесная.

— Жемчужина деревянного зодчества. Наши плотники сотворили сказочную красоту.

Все, кто впервые попадает в Тверь, восхищаются расписными теремами, — улыбнулась боярышня Агриппина.

— Старшина тверских купцов Меркурий Никитин сказывал в корчме, что в Великом Новгороде немецкий купец Эрвин Клюг построил каменный терем, все ступеньки в нём серебряные, а в стены вложены камни драгоценные. Половицы все стеклянные, под полом вода течёт студёная, — сообщил сотник.

— На этот сказ есть разгад. Ступеньки серебряные оттого, потому что поверхность выкрашенных белой краской ступенек отделана блёстками, светящимися искорками. Драгоценные камни в стенах — цветные стекляшки. Терем купец построил на роднике, чтобы за водой не ходить, а на родник положил стеклянные половицы, чтобы пыль и мелкий мусор не оседал на воду. Нашим людям всё заморское в диковинку, половицы с блестящими пластинками приняли за серебряные, разноцветные стекляшки за драгоценные камни, вот и пошёл сказ про терем иноземного купца, — пояснила боярышня Агриппина.

У ворот великокняжеского двора два дюжих вооружённых кметя шагнули навстречу боярышне Агриппине. Боярышня остановила их:

— Меня проводит сотник Тимофей, вы свободны.

Один из кметей напомнил знатной боярышне:

— Мы будем идти за Вами, ясновельможная Агриппина Парфеновна, таков приказ боярина Парфёна Борисовича.

— Против воли батюшки я не перечу, держите расстояние, — недовольно обронила боярышня Агриппина.

Боярышня и сотник идут по улице Кремля вдоль крепких заборов, за которыми скрываются добротные дома.

Сотник решил на откровенность:

— Косы ваши светят медвяной росой, словно жемчужным узором блестят. Речь у вас нежная и ласковая.

— Ты говоришь сладкие слова, но сам думаешь о другом, — подметила боярышня Агриппина.

— Я думаю только о Вас, сударыня. Могу ли с Вами встретиться? Если да, то где? Когда? — взволнованно произнес Тимофей.

— Какой ты быстрый, только заговорил со мной и сразу просишь о встрече, — снисходительно проговорила Агриппина.

— О чём ещё можно мечтать, когда видишь такую красу, — пылко сказал сотник Тимофей.

— Ты похож на влюблённого, — улыбнулась боярышня Агриппина.

— Моё сердце принадлежит Вам, — признался сотник Тимофей.

Боярышня Агриппина взглянула на огненный закат и загадочно произнесла:

— Мне нравится смотреть на вечернюю зарю. Говорят, души православных живут на небе.

— Не всем уготована такая участь. Кому-то райские кущи, кому-то сущий ад, — заметил сотник Тимофей.

— В том, что ты человек необычный, я убедилась. Вчера был безызвестный кметь, сегодня сотник. Так что же это — случайное везение или судьба? — спросила боярышня Агриппина.

— Судьба порою благосклонна к смертным, но милости не жду я от неё, и сам судьбу свою вершу, — рассудил сотник.

— И всё-таки удача к тебе благоволит, возможно это божье покровительство, — подчеркнула боярышня Агриппина.

— Божий промысел неисповедим, — ответил сотник, бросая взор на художественную резьбу терема.

— Глаза твои блестели в час победы. Скажи, сотник, о чём ты думал в тот момент? Что захлестнуло душу, какое чувство? — добродушно спросила боярышня Агриппина.

— Достоинство, что отстоял честь тверских витязей в глазах немецкого рыцаря, — произнёс сотник.

— Достоинство оценивается содержимым кошелька, но не всегда, — дружелюбно подметила боярышня Агриппина.

— Достоинства мирянина не зависят от его происхождения, оно зависит от его душевных качеств, поступков, почтения законов божьих и мирских, — рассудительно сказал сотник.

— Ещё вчера не знала я тебя, сейчас мне кажется, что знаю вечность. Дорога к сердцу моему открыта, даю надежду, а остальное зависит от тебя, — тихо произнесла боярышня Агриппина.

— Сударыня, к Вам страстью воспыал владимирский боярин. На Вас смотрел он, как на свою невесту, — взволнованно проговорил сотник.

— Мне безразличен Иван Акинфыч, я холодна к нему, — равнодушно сказала боярышня Агриппина.

— А если будет он настойчив? — хмуро промолвил сотник.

— Есть батюшка, который осадит заносчивого боярина, — спокойно сказала боярышня Агриппина.

— Если боярин Парфён Борисович его не осадит, осажу я, — пообещал Тимофей.

— Не забывай, Иван Акинфыч — знатный владимирский боярин, и для того, что бы вступить с ним в поединок, нужно быть боярином. Свет велик князь-государь суров к тем, кто не чтит законы тверского княжества. Не вздумай с ним вступить в разговор без моей просьбы. Тебе ясно, что я сказала, витязь? — спросила Агриппина.

— Значит, я не имею права поднять руку на боярина? — уточнил сотник.

— Да, и ты об этом осведомлен. Я знаю, зачем ты спрашиваешь, поэтому отвечу: ты можешь вступить в бой с боярином

только по моей просьбе, за мою честь, — произнесла Агриппина.

— Как скажете сударыня, ваше слово для меня приказ, — промолвил сотник.

— Есть одно обстоятельство, про которое тебе следует знать. Поединок должен происходить в моем присутствии или в присутствии моего батюшки, — сообщила Агриппина.

— Предупреждён, значит вооружён. Спаси Бог Вас, сударыня, за вразумление, — поблагодарил сотник.

— Острота кинжала на его конце, острота ума в голове. Слава и достаток позволили твоим очам дать волю, не прельстишься ли ты красными девицами. Не закружится ли у тебя голова, сотник, — неожиданно сказала боярышня Агриппина.

— Не мудр я, но и не глуп, и голову свою не потеряю. Вы Агриппина Парфёновна, столбовая боярышня. Вашего батюшку многие знают. Клеветать на знатное сословие не каждый решиться, ибо знают, что можно головы с плеч лишиться. Злые люди обливают грязью бедных, потому что не боятся, а богатого человека чернь боится. Богатый заговорит и простолюдины умолкнут, и речь его вознесут до облаков, считая его мудрым, так и боярин Иван Акинфич будет меня чернить перед вами, — пояснил сотник.

— Если богатый человек захочет очернить бедного, ему это не составит трудов, но и среди боярского сословия существует интриги, простолюдины об этом не знают, наша жизнь для них закрыта, — согласилась боярышня Агриппина.

— Я слышал, что есть введенный боярин, есть и приближённый, а также бояре свойственные и путные. Пока я ещё не разобрался кто есть кто, но современем разберусь. Нравится вы мне, Агриппина Парфёновна, — с волнением проговорил сотник.

— Серебряный крест с рубиновым сердцем дал тебе уверенность, но держи свои мечты на поводке, — мягко предупредила боярышня Агриппина.

Они подошли к дубовым воротам.

— Я пришла, — ласково прошептала боярышня Агриппина и постучала железным кольцом в дверь.

Дверца открылась.
— До встречи, витязь, — нежно обронила боярышня Агриппина и подала левую ручку.
Сотник, склонился и поцеловал утончённые перста:
— До встречи, сударыня.
Боярышня Агриппина скрылась за дверцей.

ГЛАВА 12

В ОКРУГ монастыря — живописный лес. Из леса выехал отряд всадников и подъехал к монастырским воротам. Боярин Парфён соскочил с коня, подошёл к массивным воротам, постучал железным кольцом, висевшим на дверце, и громко произнёс:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, откройте.

Через некоторое время отворилось оконце в воротах, показалось лицо монаха:

— Аминь, — и через несколько секунд спросил, — кто Вы?
Боярин Парфён ответил:

— Боярин Парфён Половой. Я приехал навестить келаря Андрея.

— Подождите, — обронил монах и исчез.

— В глухом месте, среди дремучего леса, встал монастырь. От торгового тракта недалеко, но не зная лесной дороги к обители, можно заблудиться, — вымолвил боярин.

С другой стороны ворот подошли три монаха и келарь. Келарь Андрей вежливо попросил:

— Брат Епифан, открой окошко.

Монах открыл окошко в воротах, келарь посмотрел в него и увидел боярина Парфёна.

— Это княжий судья, боярин Парфён Половой, открывайте ворота, — приказал братии келарь.